

КОГДА ЦВЕТЕТ ВИШНЯ

РАССКАЗ

Источник: [Круг: Альманах артели писателей. М.; Л. Круг. 1925. \[Кн.\] 4. стр. 221 - . 238.](#)

I.

Бумажные цветы.

Город мерз, коробился и застывал, как брюква, вышвырнутая за окно.

С утра до утра висел над городом сизый туман, - покрывало, сотканное морозными стежками в перемежку с белесым дыханием приплюснутых труб.

И было все, как вчера, как пять, десять дней тому назад.

В партере гомозились полушубки, шинели, кожаные куртки на меху, будоражные папахи кренились то влево, то вправо - откуда лучше видать. В проходе вился мокрый снежный след: густо отпечатывали валенки, сапоги и бродни свой зимний шаг. Меж креслами натекали лужицы: всплакнув, оттаивали валенки в ожидании тепла, света и музыки, чтоб опять уйти в ночь, в снег, в темень, потонуть в сугробах.

На мраморной выщербленной стойке театрального буфета ледяными слезами слезились на двух блюдцах конфетки-монпасишки, скулил позеленевший самовар, исходя морковной немочью.

За кулисами Эскамильо дул в посиневшие кулаки, Хозе сговаривался с губнаробразом о концерте во "Дворце Коммуны". Губнаробраз, оперный покровитель, сам флейтист-любитель, обещал полпуда пшена и ордер на шапку с наушниками.

Стуча каблуками, бежала сверху из женского холодильника Кармен, - из-под арестантско-серой бекеши выбивался платок, пестрый, как майдан, ноги в туго натянутых красных чулках нетерпеливо и зябко ждали звонка: чулок о чулок терся.

И было все, как пятнадцать, двадцать дней тому назад, - бумажный цветок в волосах, бумажный цветок во рту, мреют мутные, точно госпитальные лампочки, и муть в голове и муть в глазах...

Но помни, Кармен: ты и сегодня должна смеяться и завлекать, плясать и ускользать сигарным дымком, потому что в честь тебя по медвежьи топают обмякшие валенки.

Кармен, скорее бумажный цветок в копну буйных, черных волос, скорее цветок бумажный в измученный, усталый рот!

Потом, потом в своей холодной комнатухе на улице Карла Либкнехта ты плотно замкнешь его, зубы стиснешь и ничего не ответишь управделу Совнархоза, который несет к твоим красным нездешним чулкам свою управдельческую, смешную, здешнюю, с купонами на сливочное масло, с совнаркомским пайком, но такую пламенную любовь.

Ты не хочешь бумажной любви.

Ты так и сказала ему в воскресный, свободный от папок и ордеров, день, и опять плакал по исходящей управдел, - за каждую слезинку его расплачиваются потом лилово-губые машинистки.

И было все, как вчера.

Бумажный цветок целовал Хозе, пряча его на своей тенорской ячневой кашей попорченной груди, сигаретницы курили бумажные сигары и вихляли тощими бедрами.

И вдруг: стук в дверь женского холодильника и входит в уборную мохнатая бурка с башлыком малиновым, а поверх бурки, поверх башлыка (будто тоже театрального) такие знакомые - чьи, чьи? - непостижимо знакомые глаза.

И голос, - за далью лет как бы чужой, но каким-то своим, присущим оттенком близкий.

Только на одну минуту уйти в себя, одним мигом охватить: годы, Москву, Зиминский театр, эту неуклюжую каменную пустошь, доломан гусарский на углу Кузнецкого, письмо - мужское, напорное,